

ОДЕЖДА В ЯЗЫКЕ ФОЛЬКЛОРА

УДК 821.161.1; 391.1; 391.2; 398.91
ББК 82.3(2)

О. Е. ФРОЛОВА
(Москва)

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О ЩЕГОЛЬСТВЕ В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

Аннотация. В статье идет речь о семиотике одежды, отраженной в жанре пословицы. Можно выделить несколько позиций: головные уборы, обувь, верхняя одежда, мелкие аксессуары, ткани, способ изготовления. Сквозным мотивом пословиц о щегольстве является мотив несоответствия амбиций человека и его статуса.

Ключевые слова: пословица, семиотика, одежда, щеголь, статус человека, оценка, амбиции.

Сборник В. И. Даля включает раздел «Щегольство». Тематика раздела определяет характер отбора единиц. *Щеголять* по Далю — «хвастать, хвалиться превосходством чего» [Даль 1979—1981, т. 4, 652]. Соответственно понятие *щегольство* определяется как «роскошь, ряженье и убранство напиказ» [Там же]. Очевидна оценка подобных явлений, заложенная уже в лексической семантике заголовка раздела. В раздел включены 133 паремии. Эти пословицы и будут предметом нашего рассмотрения.

По выражению Н. И. Гаген-Торн, разделяемому П. Г. Богатыревым: «Одежда — паспорт человека, указывающий на его племенную, классовую, половую принадлежность, и символ, характеризующий его общественную значимость» [Гаген-Торн 1933, 122]. П. Г. Богатырев на основании разных функций одежды

считал возможным говорить о будничном, праздничном, торжественном и обрядовом типах костюма [Богатырев 1971, 307]. Л. Н. Молотова и Н. Н. Соснина выделили четыре типа костюма: будничный, рабочий, праздничный и обрядовый [Молотова, Соснина 1984, 9]. Можно предположить, что не все типы костюма найдут отражение в паремиях, посвященных щегольству. Для нас не важны расхождения между типологиями. Важно, что щегольскими можно считать, по-видимому, не праздничную или торжественную одежду, которая по определению должна быть нарядной, а будничную, которая а) неоправданно дорога, б) сшита или в) носится так, что обращает на себя внимание. Следовательно, в паремиях должны быть отражены излишества, вычурности в одежде, заранее оцениваемые отрицательно. Этим задаются участники ситуации, которую показывает пословица: щеголь и субъект оценки. Первый будет стремиться выделиться из своей страты с помощью костюма, а второй будет разоблачать эти попытки как несостоятельные по тем или иным причинным. Назовем первого участника субъектом-декоратором, второго — субъектом оценки. Мы исходим из того, что декоратор, стремящийся быть заметным, скорее всего, будет оценивать свою внешность и костюм положительно, напротив, субъект оценки, принадлежащий страте, будет относиться к попыткам выделиться скорее негативно.

Оба субъекта согласуют свои действия таким образом, что расчлняют целостный облик одетого человека, выделяя те или иные предметы одежды как наиболее значимые или знаковые. Соответственно декоратор устремит свои усилия прежде всего на те вещи или аксессуары, с помощью которых можно

выделиться, а субъект оценки сосредоточит на них свое внимание, чтобы узнать, с кем — щеголем или обычным человеком — он имеет дело. Субъект оценки связан с эмоциональным отношением к костюму, о чем писал П. Г. Богатырев: «Только такая одежда, которая имеет тенденцию оставаться низкой, хотя бы в отдельных своих частях <...> и которая благодаря этой своей тенденции воспринимается как необходимая часть коллектива-носителя этой одежды — только такая одежда вызовет эмоциональное отношение...» [Богатырев 1971, 359]. Богатырев откашивал модной одежде в способности вызывать эмоции у субъекта оценки на том основании, что такой костюм слишком быстро меняется [Там же].

На материале пословиц, включенных в раздел «Щегольство», мы намереваемся рассмотреть:

- какая одежда в повседневной жизни воспринимается как щегольская;
- какие аксессуары становятся при этом знаковыми;
- какую роль играет гендерный аспект костюма;
- как формируется щегольской «костюмный код», и в какие отношения он встраивается.

Выделим зоны внимания, по которым узнается модно одетый человек: преимущественно это низ и верх — ноги и голова. Это головные уборы, обувь, прическа, в меньшей степени — верхняя одежда. Проследим, какими именно аксессуарами представлены эти разделы, насколько разнообразны эти предметы одежды, в чем состоит их модность и престижность.

1. Головной убор (шапка, шляпа):

- 1) «*Дома — щи без круп; в людях — шапка в рубль*».
- 2) «*Шапка в рубль, а щи без круп*».
- 3) «*Гол, да в шляпе, — тот же шляхта*».
- 4) «*В брюхе солома, а шапка с заломом*».
- 5) «*Шапка в две денежки — и то набекрень*».
- 6) «*Шапочка с ушами, молодчик с кудрями*».
- 7) «*Пронести шляпу на ухе*»¹.

¹ Пройтись щеголем.

8) «*В Бородинском полку носят шапки на боку*».

9) «*Шапка на нем так копыл копылом и торчит*».

Копыл — «стояк, стоен, надолба, торцом вставленная во что деревяшка; в санные полозья вдолблены копылы, копылья, связанные поперек саней вязками, а впродол нахлестками...|| Лапотная колодка, юж. Сапожная и башмачная; || нвг. Палица (пральный валец) с долгою рукоятью...|| влгд. топорище. || Кривое долото, для обделки внутри бортей и улейных колод» [Даль 1979—1981, т. 2, 159].

Шапка является неременным аксессуаром костюма (примеры 1—4), она свидетельствует о некотором недостатке, ради которого стоит себе отказывать в необходимом, кроме того, она позволяет продемонстрировать приверженность моде (примеры 7, 8, 9). Пословица сводит все многообразие головных уборов к имени класса. Даже если этот аксессуар не является дорогим и необычным, стремление выделиться отражается в манере носить шапку (примеры 4, 5). В данном разделе появляется мотив несоответствия стоимости или манеры носить шапку достатку человека, что оценивается отрицательно.

2. Обувь (сапоги, лапти, коты, онучи, оборы):

- 10) «*Сапоги смазаны, и дыры замазаны*».
- 11) «*Ходит франтом: сапоги с рантом*».
- 12) «*Сапожки под скрыпом, а каша без масла*».
- 13) «*Сапог-то скрыпит, да в горшке не кипит*».
- 14) «*Сапог не ломает, чулок не марает*»².
- 15) «*Как обута нога, так всем слуга. Без сапог не слуга*».
- 16) «*Одна нога в сапоге, другая в постеле*»³.
- 17) «*Писаные лапотки да пестрые онучи, так и подымай ноги покруче*».
- 18) «*Лапти дырявы, да оборы долги*».

² О щеголе.

³ *Постолы* — юж. зап. поршни, кожанцы, калиги, сандалии, гнутая из сырой кожи, лимарщины, либо шкуры с шерстью обувь, ступни [Даль 1979—1981, т. 3, 346].

⁴ *Обора*, оборка, или мн. оборы, оборки и оборник м. оборье ср. или вернее обворы,

19) «*Моя роденька обувается гладенько*».

С обувью непосредственно связаны дополнительные аксессуары: *онучи* (пример 17) и *чулки* (примеры 20, 21):

20) «*Чулки новы, пятки голы. Чулочки с изюминками*».

В своем словаре Даль поясняет последнее выражение: «с дырками» [Там же, т. 2, 39].

21) «*Семеры чулки, да все паголенки*⁵».

Данный раздел не столь единообразен по составу, как предыдущий. Сапоги свидетельствуют, скорее, о достатке (примеры 10—16), лапти — о бедности своего хозяина (примеры 17, 18). Подобно головному убору, кожаная обувь требует затрат и «диктует» модную манеру ношения: скрип при ходьбе (примеры 12, 13), необходимость следить за кожей и мазать ее дегтем (пример 10).

По отношению к данному аксессуару следует выстроить не привативную (*сапоги/лапти*), а градуальную оппозицию, состоящую из трех членов (*сапоги/лапти/отсутствие обуви*) (примеры 15, 16). Мотив несоответствия стоимости обуви достатку человека присутствует и в этой группе пословиц (примеры 10, 11, 12).

3. Верхняя одежда (шуба, камзол, кафтан):

В данном разделе можно наблюдать значительно большее разнообразие аксессуаров, чем в головных уборах.

22) «*Погодьё вольно, у кого шуб довольно*».

23) «*Есть шуба и на волке, да пришта*».

24) «*Купи шубу шитую, а избу крытую*».

25) «*Камзолы зеленые, а щи не соленые*».

26) «*Пуст карман, да синь кафтан*⁶».

Добротная теплая верхняя одежда является безусловным свидетельством достатка (пример 22). Тот, кто может

от отшивать, обвивать: долгие привязки, бичевки, лычаги у лаптей, коими вкрест обвивается всё берце, до колен [Даль 1979—1981, т. 2, 584].

⁵ *Паголенок* (голень) — голенище чулка, часть, обнимающая голень; чулки, у коих носки отрезаны, или без носков сшитые; штанинка, колоша [Даль 1979—1981, т. 3, 6].

⁶ О щеголе.

себе позволить шубу, как следствие — должен и жилище построить добротное и недешевое (пример 24). И конфликт стоимости одежды и достатка в данной группе сохраняется (примеры 25, 26).

Пословица отмечает также необычную, «чужую» одежду. Так формируется оппозиция *свой/чужой*. Чужое часто становится объектом более высокой оценки и престижным предметом одежды. В разряд *чужого* попадают *фрак* и *немецкое платье*, вошедшее в моду среди мещан и купцов (примеры 26, 27).

Два цвета, *синий* и *зеленый*, являются маркированными. Этнографы отмечают, что синие крашенные ткани были чрезвычайно популярны [Молотова, Соснина 1984, 12]. Однако заметка Даля в скобках о том, что синюю одежду носит щеголь, заставляет нас предположить, что такие ткани были недешевы.

27) «*Щеголь, а ноги коровы. Щеголь — хвост веретеном*⁷».

28) «*И наша дура коты надела. И мы в немцах*⁸».

Даль поясняет метонимический перенос — *в немцах*. Хотя не вполне ясно, какая обувь, дорогая или простая и дешевая, имеется в виду. *Коты* (котики) — «женская обувь, род полусапожек, ботинок, башмаки с высокими передами, либо круглые, будто с отрезанными голенищами, с алою суконною оторочкой; мужская верхняя обувь, калоши, кенги, обуваемые сверх сапог или бахил; || *вд.* Поршни или берестяные лапти, с оборами» [Даль 1979—1981, 179]. Именно после этого регионального значения Даль приводит интересующую нас поговорку (пример 27). В примере 28 обращает на себя внимание местоимения *наша* и *мы*. Первое из них свидетельствует о том, что женщина и говорящий принадлежат к одному кругу и, может быть, знакомы, второе следует интерпретировать эксклюзивно, т. е. говорящий не солидаризируется с ней. Мотив несоответствия в данной поговорке получает новое звучание: это не дорогая одежда, которую не может себе позволить человек, а неуместность обуви, которая не сочетается с обликом человека. Речь

⁷ Фрак.

⁸ То есть по платью.

здесь идет об отсутствии вкуса с точки зрения говорящего.

А. К. Байбурин в связи с оппозицией *свое/чужое* отмечал: «к новым вещам относились настороженно, поскольку до тех пор, пока ими не начинают активно пользоваться (и в практических и в ритуальных целях), они в большей степени принадлежат сфере неосвоенного, чем человеку» [Байбурин 1995, 4]. Однако со временем *чужое* осваивается и становится фактором престижа или знаком страты.

О немецкой одежде как о привычном явлении в первой трети XIX в. пишет и Н. В. Гоголь в «Невском проспекте»: «Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такою важностью и с таким удивительным благородством прогуливались в два часа по Невскому проспекту. Вы их увидите бегущими так же, как молодые коллежские регистраторы, с тем, чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы, которой толстые губы и щеки, нащекатуренные румянами, так нравятся многим гуляющим, а более всего сидельцам, артельщикам, *кущам*, *всегда в немецких сюртуках* (курсив мой. — О. Ф.) гуляющим целою толпою и обыкновенно под руку»⁹.

С точки зрения субъекта оценки, верхняя одежда, за исключением примера 27, воспринимается недискретно. Следует отметить пример 27: только во фраке подчеркивается деталь — длинные фалды. Не выделены детали, названные существительными с семантикой «неотделимая часть целого»: ворот, складки, пола, подкладка. Только в одной паремии данного раздела упоминается имя *рукава*. Существительное *карман* в примере 26 употребляется метонимически в значении *деньги*.

4. Мелкие аксессуары (запонка, застежка, перчатки, пряжка, пуговица, петелька).

Данный раздел можно признать самым разнообразным по составу. Именно в этой части субъект оценки анализирует, расчленяет костюм, выделяя знаковые детали. Это предел детального анализа костюма с точки зрения субъекта оценки.

29) «*Рожей поддулял (дурен), так запонкой взял*».

30) «*Щеголь Матрешка: полтора рубля застежка*».

31) «*Он в перчатках моется*»¹⁰.

32) «*Пуговки литые, петельки витые*»¹¹.

33) «*Пряжки с искорками, да вон повыскакали*».

34) «*Честен перстень на дворянской руке*».

Причины того, что внимание и декоратора и субъекта оценки устремлено на подобные мелочи, мы видим в том, что *запонки, застежки, пуговицы и пряжки* представляют собой такие отделяемые части костюма, которые изнашиваются медленнее, чем ткань или мех. Поэтому, если эти аксессуары изготавливались из дорогих материалов, их отпарывали от износившихся вещей и перешивали на новые или даже передавали по наследству [Русский традиционный костюм 1998, 90]. Мотив несоответствия, отмеченный нами в группах *головной убор* и *обувь*, отмечается и здесь (пример 29). Однако отличие примеров 28 и 29 состоит в том, что попытка освоить новую обувь признается субъектом оценки неудачной, а в примере 29, скорее, одобряется как дерзость или вызов.

5. Материалы (шелк, тафта, парча, соболь, золото, холст, рогаж):

35) «*Слуги в шелках — бояре в долгах*».

36) «*На брюхе шелк, а в брюхе щелк*».

37) «*Полог браный, да весь драный. Хоть тряпичка, да тафтичка*».

38) «*Строжковая да колотковая, а греет не хуже собольей*»¹².

39) «*Свинья в золотом ошейнике всё свинья*».

40) «*Кто в камке, кто в парче, а мы в холсту — по тому ж мосту*».

41) «*Рубаха хощовая — хоть огня присеки. Рубаха хоть огня присечь*».

42) «*В рогажку одеться, от людей отречься*».

Данный подраздел, как и предыдущий, демонстрирует большое разнообразие. В группе материалов шелк, тафта

¹⁰ О щеголе.

¹¹ Пуговки на сарафане, т. е. его хозяйка щеголиха.

¹² То есть *шуба* собачья, кошачья.

та, парча, золото противопоставляются рогоже и холсту. Дорогие материалы не изготавливались дома — привозились из-за границы. Мотив несоответствия обнаруживаем и в разделе *материалы*, когда у человека недостает средств на одежду для себя, слуг и на пропитание.

6. Способы изготовления и особенности носки (шить, крыть, прясть):

43) «*Купи шубу крытую, а одежду шитую*».

44) «*Купи шубу шитую, а избу крытую*».

Вновь обратимся к словарю Даля. «Крыть мех или шубу, нашивать покрывку, ткань на мездру, для чего жидкий мех наперед ветошится» [Даль 1979—1981, т. 2, 206], т. е. на мездровую сторону непрочного меха, шубы подшивают, подстегивают ткань для прочности [Там же, т. 1, 188]. Как правило, овчинные шубы были нагольные, крыли шубы из дорогого меха, кроме того, использовались и дорогие ткани [Русский традиционный костюм 1998, 367].

Примеры 43, 44 вносят мотив гармонии, соответствия одежды и жилища.

45) «*Ковры семи шелков, а рубаха не прядена*».

В примере 45 имеется в виду, что на изготовление рубахи пошла ткань из непряженой, некрученой нити. Такая ткань изнашивалась быстрее. Рубаха из крученых ниток носилась дольше, прядение же занимало много времени. Пример 45 вновь возвращает нас к постоянно прослеживаемому мотиву несоответствия.

46) «*Тонко прясть — долго ждать*»¹³.

Пример 46 свидетельствует о том, что дорогая одежда требует кропотливости в изготовлении.

47) «*Рубаха — трут трутом, на плечах перегорела*».

7. Прическа, макияж (кудри, борода, усы, расчесывать):

48) «*Одна кудря любит рубля, другая тысячи*».

49) «*Стрижена борода, подпаленный ус*».

50) «*Возьми борону, да расчеши бороду*».

51) «*Кудри не мудры, да вши хороши*».

52) «*Лбом красится, а затылок вши едят*».

Появление существительного *кудри* именно в разделе «Щегольство» важно, так как такие волосы редко бывают природными. С нашей точки зрения, здесь важна оппозиция *природное/искусственное*. Модник должен прилагать усилия, чтобы завиться. В седьмом разделе также обнаруживаем мотив несоответствия, который можно признать сквозным: когда средств хватает только на бороду или челку, но не на всю прическу (пример 49, 51, 52).

Разумеется, раздел «Щегольство» отражает важнейшее качество пословицы — ситуативность. Можно назвать элементы внешнего облика, обладающие семиотическим статусом¹⁴: это головной убор, обувь, верхняя одежда и прическа. Мы выделяем именно данные предметы и аксессуары, так как их важность в костюмном коде устойчиво отмечается в пословицах. Кроме того, следует отметить незначительное или в случае с *шапкой* практически полное отсутствие варьирования в номинации предмета.

Названные нами предметы (*шапка, сапоги, лапти, шуба, рубаха*), указание на материалы (*шелк, тафта, рогожа, холст*), специфические глаголы изготовления (*шить, крыть, прясть*) и ношения одежды (*смазать, ломать — о сапогах; просить каши — об обуви и одежде; перегореть, обноситься*) формируют своеобразный *костюмный код*.

Вместе с тем, костюмный код обнаруживает тесное сближение и устойчивое сопоставление с денежным и пищевым кодом.

Говоря о костюмном и пищевом кодах, следует заметить, что в пословице они устойчиво противопоставляются. Более того, пища и одежда, составляя привативную оппозицию, формируют в пословице единое целое, т. к. сокращение одной из сфер автоматически приводит к расширению другой. Человек стоит перед выбором: либо ограничить себя в одежде, либо в еде. Этот выбор определенным образом характеризует

¹³ Даль пояснил эту пословицу: «хорошо и споро, так неспоро» [Даль 1979—1981, т. 3, 533].

¹⁴ Термин А. К. Байбурина, см.: [Байбурина 1995, 5].

человека в его желании завысить свой имущественный статус (примеры 1—4, 9, 11, 12, 15, 24, 26, 28).

Денежный эквивалент в пословице не только обозначает ценность или дешевизну той или иной вещи, но и, как правило, недостаточность средств, чтобы все предметы и аксессуары были бы одного «ценового диапазона». Модность и высокая стоимость одной вещи «компенсируется» дешевизной другой.

В этом смысле то, что единицы костюмного кода противопоставлены денежному и пищевому кодам, не делает два последних взаимозаменяемыми. Единицы пищевого кода выступают как свидетельства лишения и жертвы декоратора, а деньги свидетельствуют о его амбициозности.

Приведенные нами пословицы из раздела «Щегольство» трудно представить в автореференциальном употреблении, когда говорящий описывает сам себя. Ситуации, когда это было бы возможно, можно назвать скорее игровыми, выражающими самоиронию.

Говоря о том, как гендерный аспект костюма отражен в пословице, заметим, что в современном быту престижность и модные тенденции прежде всего затрагивают женскую одежду. Современная женская мода динамичнее и ярче, мужская — строже и консервативнее [Русский народный костюм 1989, 23]. Само понятие мода в первую очередь касается женской одежды. Парадоксально, что феминный аспект не проявляется с такой безусловной яркостью в пословицах. Начнем с головных уборов. Шапка — неженский аксессуар. Существительное *шлык* — единственное, противопоставляющееся таксономическому имени *шапка*, однако и в этой пословице речь идет о мужском костюме.

53) «*Расстегаям оделся, да шлык набекрень*».

Вновь обратимся к Далю. *Расстегай* — «шелковый, распашной сарафан» [Даль 1979—1981, т. 4, 49]. *Шлык* — «(чувш. татр. *башлык*?) шапка, шапченка, чепец, колпак; плохая, измятая, шутовская шапка, беспорядочно надетый чепец; || *твр. тмб. прм. и дрг.* Бабий головной убор, род повойника: холщевая, стеганая

высокая (четверти в две) шапочка, по которой повязывают ширинку или платок; || *чермск.* Род кокошника, шитого гарусами» [Там же, 640]. В примере 53 глагольная форма мужского рода в прошедшем времени не может быть расценена как парадоксальная, так как слово *сарафан* в толковании существительного *расстегай* неслучайно, данный вид верхнего платья не являлся исключительно женским предметом одежды. По Далю *сарафан* — «*встарь* мужской долгий кафтан, особ покрою...|| Женская русская одежда, безрукавая, с проймами для рук и с поясом» [Там же, 138]. Л. Н. Молотова и Н. Н. Соснина отмечают, что сарафан с XIV в. применялся к мужской княжеской одежде, а с XVI в. уже получил распространение как женская одежда в Северо-Западном регионе [Молотова, Соснина 1984, 20].

Значительная представленность именно мужской одежды в пословицах может быть, с нашей точки зрения, объяснена следующим образом: если одежда отражает имущественный и социальный статус человека, то носителем такого статуса в семье и обществе является прежде всего мужчина. Пословиц, прямо касающихся женского платья, немного.

54) «*Красна девица до гряд, сарафан до пят*».

Теперь попытаемся дать ответ на вопрос, каковы семиотические функции костюмного кода в том виде, как он отражается в пословице. В данном жанре щегольская одежда часто призвана скрыть недостатки в положении декоратора. Однако его амбициозные усилия предстать перед обществом в ложном свете обречены на неуспех. Субъект оценки не только «разоблачает» подобные попытки, но и знает об уязвимых местах в костюме или образе жизни щеголя. Анализируемый нами цикл паремий свидетельствует, как мы полагаем, о своеобразной «герметичности» социальных страт, поэтому переход из одной в другую субъект оценки в пословице мыслит как невозможный (примеры 57, 58, 59).

55) «*Сорока в платье, ворона в платье, будет платье и на нашей братье*».

Пример 55 выделяется своим оптимизмом. Пожалуй, только в нем вы-

ражена возможность изменения имущественного статуса говорящего. Этот пример необычен еще и своими прагматическими характеристиками, т. к. именно он естественен в речи от первого лица единственного числа, когда говорящий имеет в виду себя и свое окружение.

56) «По одежке встречают, по уму провожают».

57) «Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, корова в рогоже, да всех дороже».

58) «В чем призван, в том и пребывай».

59) «Как смерд ни нарядится, а кус дерма на себе унесет».

Примеры 57—59 свидетельствуют об ином. Одежда если и может ввести в заблуждение кого-либо о подлинной ценности человека, то ненадолго (примеры 57, 59). Внешняя броскость не является подлинным мерилем ценности (пример 58). Пример 58 говорит, скорее всего, о социальном пессимизме.

Посмотрим, каким образом проявляют себя в пословице декоратор и субъект оценки. Если первый выражается эксплицитно: именно ему принадлежат все предметы одежды и аксессуары, он носит их, покупает, украшает, то о втором говорить сложнее. Субъект оценки не выражен в пословице эксплицитно. Прежде всего, он стоит за противительными конструкциями, выраженными союзами *а, да*, или подразумеваемыми противопоставлениями — оппозициями *тайного/явного*. Эта оппозиция воплощается в пословице множеством ситуативных противопоставлений: 1) *дома / в людях* (примеры 1, 12, 13), 2) *внутреннее/внешнее* (примеры 4, 26, 36, 51), 3) *тыл/фасад* (пример 53), 4) *часть/целое* (пример 25), 5) *одежда/еда* (примеры 1, 2, 4), 6) *одежда/жилище* (пример 44).

Если пытаться определить функции костюма с точки зрения декоратора и субъекта оценки, то первый с помощью одежды будет стремиться выделиться из своего слоя если не по сословному, то по имущественному признаку. Второй же будет прочитывать костюмные «послания» субъекта-декоратора и разоблачать его попытки как несостоятельные, причем по обоим основани-

ям (примеры 58, 59). Субъект оценки и декоратор по-разному оценивают и социальные возможности костюма: с точки зрения декоратора, социальная роль одежды чрезвычайно значительна, с точки зрения субъекта оценки, костюм не способен передвинуть человека по социальной и имущественной лестнице.

Можно с некоторой осторожностью говорить о паремийном консерватизме, который выражается средствами костюмного кода. Пословица устами субъекта оценки в некотором роде утверждает стабильность и неизменность социального устройства, отказывая человеку в способности облагородиться с помощью костюма (пример 57, 60, 59).

Литература

Байбурин 1995 — Байбурин А. К. Семiotические аспекты функционирования традиционной культуры восточных славян. СПб., 1995.

Богатырев 1971 — Богатырев П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Гагент-Торн 1933 — Гагент-Торн Н. И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // Советская этнография. 1933. № 3—4. С. 119—135.

Даль 1979—1981 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1979—1981.

Молотова, Соснина 1984 — Молотова Л. Н., Соснина Н. Н. Русский народный костюм. Из собр. Гос. музея этнографии народов СССР. Л., 1984.

Русский народный костюм 1989 — Русский народный костюм / Государственный исторический музей. Авт.-сост. Л. Ефимова. М., 1989.

Русский традиционный костюм 1998 — Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1998.

Summary. The article deals with the semiotics of clothing, reflected in proverbs. There are multiple items: hats, shoes, small outerwear accessories, textiles, manufacturing method. The cross-cutting theme of foppery proverbs is the theme of discrepancy between ambition of a man and his status.

Key words: proverb, semiotics, clothes, dandy, a person's status, evaluation, unsuitable ambition of a person and his status.